

8. Сивакова А.В. К вопросу о фонетической вариативности английского языка: Экстралингвистический аспект // Звучащая речь: Теория и практика. Вып. 453. М., 2000. - С.146-158.

9. Фомиченко Л.Т. Когнитивные основы просодической интерференции: Дис. докт. филол. наук –М., 1998. -365с.

УДК 81'373.612.2

*Илюхина Н.А.
(Самара, Россия)*

ГЕНЕЗИС КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОКУСЕ ПОНЯТИЯ КОГНИТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Стаття присвячена розгляду механізмів породження когнітивної метафори і ролі безсвідомих когнітивних процесів в її виникненні.

Ключові слова: когнітивна метафора, метонімія, когнітивне безсвідоме.

Статья посвящена рассмотрению механизмов порождения когнитивной метафоры и роли бессознательных когнитивных процессов в её порождении.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метонимия, когнитивное бессознательное.

The present article analyzes mechanisms of cognitive metaphor creation and the role of the unconscious cognitive processes in its generation.

Key words: cognitive metaphor; metonymy, cognitive unconscious.

Анализ определенных метафоры и метонимии в специальной литературе показал магистральные линии переосмысления сущности этих явлений в свете когнитивного подхода:

– от понимания метафоры и метонимии как тропов к признанию их базовыми механизмами мышления;

– от понимания сущности метафоры и метонимии как собственно языковых явлений к пониманию их как способов категоризации знания;

– от осмысления метафоры и метонимии как механизмов, противопоставленных по принципу переноса, к признанию факта их регулярного взаимодействия на когнитивном и языковом уровнях.

Сложная природа метафоры не могла не привлечь к ней внимания учёных разных сфер науки, изыскания которых обозначили контуры феномена метафоры и проиллюстрировали продуктивность объединения усилий и инструментария разных наук в изучении когнитивной деятельности в широком её понимании. Н.Д. Арутюнова пишет: «Изучение метафоры традиционно, но было бы неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции. Напротив, оно становится всё более интенсивным и быстро рас-

© Илюхина Н.А., 2012

ширятся, захватывая разные области знания <...>. Интерес к метафоре способствовал взаимодействию названных направлений научной мысли, их идейной консолидации, следствием которой стало формирование когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания» [1: 3].

Обсуждая вопросы образования метафор, не приходится говорить о метафоре вообще, следует дифференцировать разные её типы. Среди типов метафоры, выделяемых в многочисленных типологиях, в свете заявленной темы наиболее противопоставлены две разновидности:

1) метафоры, называющие *собственно предметные сущности* и выступающие в номинативной и образной функциях: *ножка стула, горлышко бутылки, шляпка гриба, либо огненный шар солнца, змеистая река* и мн. др.;

2) метафоры, категоризирующие знания об *абстрактных сущностях*, которые при кодировании опыта их познания в памяти нуждаются в опоре на конкретно-предметные сущности: *жизненный путь, строить властную вертикаль, вспыхнуло чувство, эта мысль не идёт из ума; угасающий день*.

Принципиальная разница между этими типами заключается в следующем. Образованию метафор первого типа предшествует впечатление о сходстве двух реалий, которое и становится основанием для метафоры. Метафоры второго типа (когнитивные метафоры) не предполагают изначального сходства (так как невозможно уловить сходство между сенсорно воспринимаемой реалий и абстракцией), сходство создаётся в результате образного отождествления двух реалий: *мысль не идёт из ума*: ум = вместилище, мысль = живое существо.

Приведём определение когнитивной метафоры: «Когнитивная метафора (син. концептуальная метафора; *cognitive / conceptual metaphor*) – одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания. По своему источнику когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов. При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнем, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т.д.)» [2: 55].

Термин *когнитивная метафора* означает, что она формируется и существует на ментальном уровне. Её доязыковая природа выражается в том, что соответствующее ментальное представление проецируется на язык обилием разных лексических средств. Так, метафора *власть – здание* воплощается в выражениях *строить демократию, разрушить властную вертикаль, эпоха перестройки, здание государственности, фундамент государства, этажи власти* и мн. др., то есть образ вербализуется лексическим множеством.

Когда говорят о когнитивной метафоре, имеют в виду отнесённость соответствующего образа (огня, строения, дороги, вместилища и др.) к абстрактной реалии (времени,

эмоциям, интеллекту, социальным явлениям и т.д.) как к объекту её приложения. Лексико-семантическое варьирование образа, наблюдающееся, как правило, при интерпретации именно такой реалии (см. выше иллюстрацию метафоры *власть – здание*), как раз и обеспечивает реализацию основной функции когнитивной метафоры – образную концептуализацию знаний об абстрактной реалии в логике другой реалии, знания о которой в обыденном сознании структурированы и упорядочены.

Обратимся к генезису когнитивной метафоры. Напомним, что этот тип метафоры не предполагает изначального сходства между двумя реалиями, которое могло бы послужить основанием для порождения метафоры; сходство между ними *создаётся в результате порождения метафоры*. Прочитируем вновь Н.Д. Арутюнову: «Человек способен <...> улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом (ср.: *вода течёт, жизнь течёт, время течёт, мысли текут* и т.п.). В этих последних случаях говорят о том, что человек не столько открывает сходство, сколько **создаёт его** [Полужирным шрифтом здесь и далее выделено нами. – Н.И.]» [1: 8-9].

С лингвистической точки зрения когнитивная метафора квалифицируется как результат сдвига в сочетаемости предикатных слов (*догорает костёр* → *догорает день*), который приводит к синтезу нового понятия.

Кроме этого, лингвист может оценивать категориальный статус двух отождествляемых метафорой реалий и принципиальное различие их природы: «Особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку **сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое**» [1: 9]. Такие оценки типичны в трактовке когнитивной метафоры. Приведём еще одно высказывание, интересное для последующих рассуждений: «Чем **дальше отстоят друг от друга противоположаемые разряды объектов**, тем ярче «метафорический сюрприз» от их контакта. Соположение **далёкого** (создание сходства) – один из важных принципов построения художественной речи и ещё одна причина родства метафоры с поэзией. <...> Для метафоры, таким образом, характерно установление **далёких связей**. В какой мере случайны эти **далёкие отношения**? Они **случайны** в том смысле, что прямо обусловлены индивидуальным опытом и субъективным сознанием автора. **Произвол** в выборе метафоры – недвусмысленное свидетельство её поэтической природы, ведь поэзия – это царство **случайного, неожиданного, непредсказуемого**» [1: 20].

Приведённая лингвистическая интерпретация этого типа метафоры как результата сдвига в сочетаемости предикатных слов не объясняет её механизма. Непонятным остаётся вопрос о том, что же послужило толчком для сдвига в сочетаемости и образования метафоры. Прочитанные выше мысли Н.Д. Арутюновой – результат оценки уже возникшего метафорического выражения, в котором отождествлены две разные по природе реалии, «далёкие» друг от друга в свете принципов категоризации знания.

Сам же механизм *порождения* когнитивной метафоры не поддаётся рефлексии лингвиста. Это обстоятельство заставляет менять логику её осмысления – обращаться к ментальным механизмам работы сознания и, в частности, ставить вопрос об оценке порождения когнитивной метафоры в аспекте роли *осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов*.

Когнитивная квалификация этого типа метафоры – как способа категоризации знания об абстрактном феномене по аналогии с сенсорно воспринимаемым, как когни-

тивного процесса, который выражает и формирует новые понятия – указывает вектор поиска ответа на вопрос о механизме порождения этого типа метафоры в направлении ментальных процессов.

Проведённые нами исследования (см. о них в статьях [3], [4]) показали, что в генезисе когнитивной метафоры одинаково важна роль как метафорического, так и метонимического механизмов, при этом на стадии порождения образного выражения действует метонимический механизм отождествления двух реалий, между которыми в сознании существуют отношения смежности (а не сходства).

Поставим вопросы, отражающие суть рассматриваемой проблемы.

1) Если ощущение сходства является лишь результатом отождествления двух реалий, т.е. *создаётся* метафорой, что является критерием выбора образа?

2) Имеет ли место собственно *выбор* образа в качестве ключевой метафоры при концептуализации знаний о реалии или отождествление двух реалий происходит неосознанно?

3) Как соотносятся прихотливость метафоры («метафорический сюрприз», «царство случайного, неожиданного, непредсказуемого», по Н.Д. Арутюновой) и, с другой стороны, известная регулярность воспроизведения конкретного метафорического образа, обеспечивающая ему статус базовой для данной сферы метафоры? Не означает ли второе, что образование метафоры и последующее регулярное воспроизведение образа в данной сфере направляются неким ментальным механизмом?

Отождествление двух реалий (суточного времени и материального предмета – горящего или движущегося; ума и вместилища) происходит на основе представлений о *смежности* между конкретной и абстрактной реалиями, объединёнными в сознании носителя языка связями гештальтного типа. Иными словами, в процессе концептуализации знаний об абстрактной реалии потребность в опоре на образное представление удовлетворяется тем, что сознание незаметно для человека «подсовывает» образ, находящийся «поблизости». В таком случае речь должна идти не об отдалённых друг от друга областях, а о смежных, то есть ближайших.

Покажем с краткими комментариями суть отношений смежности, на которых строится ключевая когнитивная метафора в сфере осмысления суточного времени и ментальной деятельности.

1. В качестве средства образной концептуализации начала и конца дня используется образ огня, воплощенный в выражениях *Догорает закат; В небе ясном заря догорала* (Коол); *Горит восток зарею новой* (Пушкин); *Пылает небосвод; Погасло небо осеннее...* (Блок); *Догорает день; Догорал вечер; Угасал длинный летний день...* (Щукин). Приведённые факты считаются классическими художественными метафорами, поскольку сходство между двумя представлениями очевидно и выражается в признаках «цветовая гамма» либо «уменьшение / увеличение интенсивности света», «понижение / повышение температуры», «уничтожение» («окончание») и т.д.

Однако своим происхождением – основанием для отождествления светлого времени суток и огня – эти метафоры обязаны не сходству между названными реалиями, а *смежности*: образ огня используется по отношению к небу, закату, восходу, заре, утру, дню и т.п. благодаря связи последних с солнцем – смежным с ними в пространственном, временном, причинно-следственном отношении. В связи с этим приведенные высказывания

мотивируются представлениями, выраженными в высказываниях типа *Догорает солнце; Пылает светило; Погасло дневное светило* (Пушкин), т.е. являются результатом *метонимического переноса способа моделирования солнца*. Огонь, в обыденном сознании моделирующий солнце, распространяется на другие, смежные с солнцем реалии: небосвод, закат, зарю, день, вечер, утро. См. такой перенос в рамках одной фразы: *Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро, и угасающий день пленительно и ярко румянился* (Гоголь): «солнце – огонь» → «день – огонь».

За этим переносом стоит когнитивный акт установления связи между суточным временем и небесным светилом, с которым время связано отношениями естественной смежности.

Аналогично выглядит картина функционирования в этой же сфере другого образа – перемещающегося предмета, под которым тоже подразумевается солнце как главный показатель динамики суточного времени: ... *светило уходит за горизонт* (Песков); *Усталое солнце уходило от мира...* (Гоголь); *Вот и ещё один день уходит*: уходит солнце → уходит день; *Солнце совершило свой обычный обход дома. День созрел и стал склоняться к вечеру* (Набоков): солнце склоняется к западу → день склоняется к вечеру; ... *в час, когда утро встает над Невой?* (Магусовский): встает солнце → встает утро; ... *Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружающих гор...* (Пушкин): проглянет и скроется за горы солнце → проглянет и скроется за горы день; ... *я вернусь домой на закате дня...* (народ. песня): закат солнца → закат дня (Подробнее см. [4])

2. Известен факт широкого распространения образа «вместилище» в сфере «внутреннего» человека, прежде всего в сфере абстрактных, в том числе ментальных, сущностей. Конструкции *в памяти, в душе, в воображении, в уме, в мыслях, в речи* и многие подобные возникают в результате метонимического смещения модели вместилища с конкретной реалии (представлений о голове, теле как вместилищах) на абстрактные, смежные с ней в картине мира:

В голове мысль о поездке → *в уме / в сознании / в воображении / в памяти* и т.п.
мысль о поездке → *поездка в мыслях, в планах* и т.п.

После акта категоризации абстракций в образе вместилища в сознании возникает ассоциация между памятью-вместилищем и другими видами вместилищ. Так рождаются метафоры типа *Штопором памяти откупориваю понемножку Запыленные временем дни и века* (Шершеневич), в которой память выступает в образе бутылки с настаивающимся вином (подробнее см. [3]).

Все ключевые для этих сфер метафорические образы возникли на базе *отношений смежности*, т.е. с участием метонимического механизма. И сфера ментальных состояний, и сфера суточного времени демонстрируют в процессах их образного моделирования одинаковую логику: метафорическое моделирование опирается на отношения смежности этих абстрактных феноменов с конкретными реалиями в картине мира говорящего коллектива.

Таким образом, определяя генезис когнитивной метафоры, следует сказать, что отношения смежности проложили путь метафоре – подготовили условия для отождествления двух реалий: суточного времени и солнца (пылающего, движущегося), ума и вместилища. После отождествления абстрактного понятия времени и образа солнца, ума и вместилища сознание начинает соотносить две сущности на основе их *сравнения*, искать

между ними сходство, т.е. манипулировать образом огня, вместилища и др. как *метафорой*. Сравнение приводит к выявлению сходства между элементами метафорической модели по нескольким линиям; *огонь – вечер*: тепло, свет, цветовая гамма и т.д. На основе комплекса выявленных сознанием общих признаков происходит варьирование образа как метафоры, его конкретизация, связанная уже не с солнцем, а с огнем вообще, в том числе с костром, пожаром, см.: *Догорает пожарище дня* (Карпенко). Так в сознании человека метонимия превращается в метафору: сыграв свою незаметную роль, она подготовила метафорическую категоризацию абстрактной реалии.

Регулярное воспроизведение образа как метафоры в процессе его функционирования стирает следы его проникновения в данную денотативную сферу – проникновения неосознанного, обязанного соположенности двух понятий-представлений, не связанного со специальной установкой говорящего.

В результате регулярного воспроизведения метафорического и варьирования образа происходит его отрыв от мотивирующей реалии. Но, оторвавшись, образ не «порывает» окончательно с этой реалией. О сохранении связи с ней свидетельствует наличие ограничений при функционировании образа как метафоры. Так, образ огня используется при интерпретации утра и вечера, начала и конца летнего сезона, но не используется для характеристики других частей суток и времен года: *догорает день / вечер / ночь, разгорается утро / день, разгорается / догорает лето, разгорается весна* при невозможности выражений **догорает утро, *догорает весна / зима*. Эти узуальные ограничения – свидетельство того, что образное моделирование времени опирается на не вполне осознаваемое ощущение его связи с солнцем.

О сохранении исходной мотивирующей связи свидетельствуют и другие факты: метафорическая концептуализация времени в образах огня и перемещающегося предмета в контексте нередко сочетается с указанием на светило – главный индикатор суточного времени: *Усталое солнце уходило от мира, спокойно проплыав свой полдень и утро, и угасающий день пленительно и ярко румянился* (Гоголь); *Солнце совершило свой обычный обход дома. День созрел и стал склоняться к вечеру* (Набоков).

Эти факты позволяют судить о важности для сознания подобной эмпирической опоры, способствующей закреплению образа в данной сфере.

Отвечая на вопрос о принципах выбора образа в качестве ключевой для данной сферы метафоры, подчеркнём: образ *предопределён* отношениями смежности в картине мира: между солнцем и суточным временем, между представлением о голове как части тела и об интеллекте как свойстве мозга, локализованного в этой части тела. Другими словами, проникновению образа в конкретную сферу (огня – в сферу суточного времени, вместилища – в сферу психики) способствует метонимическое отождествление двух реалий, за которым следует метафорическое осмысление его результата.

Обратимся к высказыванию Н.Д. Арутюновой: «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включённость его в категорию, к которой он не может быть отнесён на рациональном основании. Метафора – это вызов природе. Источник метафоры – **сознательная ошибка в таксономии объектов**. Метафора работает на категориальном сдвиге» [1: 17-18]. Верные рассуждения Н.Д. Арутюновой и других лингвистов о природе метафоры не учитывают природы когнитивной метафоры, которая создаётся в два этапа. В приведённых высказы-

вания квалифицируется *результат двух когнитивных актов – итоговый* метафорический эффект, который не отражает стартового механизма этой метафоры, а значит – сути процесса, приведшего в итоге к её порождению.

Факт решающей роли метонимии на начальном этапе генезиса метафорической модели ставит в центр внимания вопрос о причинах трансформации метонимической логики в метафорическую. Момент «переключения» остаётся загадкой для лингвистической рефлексии.

Суть этого явления следует искать также в когнитивных механизмах категоризации знания. Когнитивные психологи говорят о значительной, даже определяющей роли неосознаваемых процессов в когнитивной, познавательной деятельности. Сошлёмся на высказывание А.Ю. Агафонова: «За последние десятилетия накоплено значительное количество экспериментальных данных, которые являются свидетельством поразительных возможностей неосознаваемой обработки информации. Результаты многочисленных экспериментов позволяют утверждать, что «когнитивное бессознательное» играет ведущую роль в осуществлении познавательной деятельности» [5: 43]. И далее: «Очень вероятно, что осознание – это во всех случаях осознание неосознанного. Гениальный Ж. Пиаже эту мысль выражал следующим образом: «Осознание представляет собой ... реконструкцию на высшем – сознательном уровне элементов, уже организованных иным образом на низшем – бессознательном уровне» (Цит. по: Inhelder, Chipman, 1976)» [5: 47].

Загадка генезиса когнитивной метафоры, в частности – механизма «переключения» сознания с метонимической логики на логику метафорическую, получает своё объяснение при осмыслении этого неодноактного явления сквозь призму понятий осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов. Метонимический этап образования когнитивной метафоры соотносится с *неосознаваемыми процессами*, с когнитивным бессознательным, а собственно метафорический этап – с *осознанием* природы образа в его сравнении с абстрактным понятием. Смена метонимической логики на метафорическую означает переход от неосознаваемого к осознаваемому, маркирует *осознание* тождества двух феноменов (суточного времени и солнца и т.д.) с установкой на поиск сходства между ними.

С учётом того, что когнитивное бессознательное представляет собой «функциональный блок разума, обеспечивающий обработку актуально воспринимаемой информации и её корреспонденцию с памятью» [5: 41], можно предполагать, что метонимический этап будущей когнитивной метафоры непосредственно опирается на ресурсы памяти, которая в гештальтной форме хранит образ соответствующей реальности (т.е. протекает в сфере когнитивного бессознательного), а дешифровка порождённого высказывания осуществляется при его осознании. При этом сознание направляет осмысление тождества двух реалий по логике их сравнения, обеспечивая нужную семантическую фокусировку метафоры. Таким образом, становится понятным механизм установления сходства между абстрактной и чувственно воспринимаемой реальностью – установление сходства происходит *post factum*, иными словами, между реалиями разной природы сходство создается как результат вынужденного «сопоставления несопоставимого».

Неосознанность метонимического механизма в момент метонимического сдвига представления с материальной реальности на смежную идеальную объясняется его прямой связью с памятью, которая «хранит весь психический материал, накопленный субъектом

к моменту текущего настоящего», при этом «всё содержимое памяти является неосознаваемым» [5: 41].

Важнейшая роль отношений смежности в картине мира (и как следствие – столь же важная её роль в формировании образной языковой картины мира) обусловлена механизмами восприятия мира и хранения знаний о мире. Один из способов восприятия и хранения информации о мире в неосознаваемых ресурсах памяти – гештальтная форма, которая в данном случае – при концептуализации абстрактных понятий – определяет способ их концептуализации по аналогии со смежной предметной реальией, т.е. в известной мере механически, без осознания говорящим.

Метафора же, в отличие от метонимии, имеет творческий характер – направлена на создание нового смысла, имеет существенное гносеологическое значение и потому не остается незамеченной, более того – требует интеллектуальных усилий для дешифровки, поэтому метафорический механизм, безусловно, связан с осознаваемыми процессами.

В заключение подчеркнём: формирование образной языковой картины мира происходит в результате взаимодействия процессов, протекающих на уровне когнитивного бессознательного, с процессами осознания, при этом роль неосознаваемого достаточно велика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов. [Сост. Е.С.Кубрякова и др.]. –М., 1997. – 245 с.
3. Илюхина Н.А. Роль метонимии в интерпретации концептосферы «человек» (на материале ментальной модели «вместилище») // Вестник Самарского государственного университета. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – № 3. – С. 114-122.
4. Илюхина Н.А. Концептуализация суточного и годового времени: семасиологическая и лингвокогнитивная интерпретация метафорических высказываний // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : материалы международной научной конференции / научный редактор Н.А. Илюхина. – Самара, 12 – 14 мая 2011 года. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2011. – С.138-141.
5. Агафонов А.Ю. Бессознательные обертоны осознания // По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / под общей редакцией Агафопова А.Ю. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2012. – 192 с.